

<https://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>

УДК 821.161.1.0

ББК 83.3(2Рос=Рус)

Научная статья / Research article

This is an open access article distributed under
the Creative Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

© 2023 г. О. А. Богданова
г. Москва, Россия

НЕВИДИМЫЕ ЗВЕНЬЯ «УСАДЕБНОГО СВЕРХТЕКСТА»

Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 22-18-00051 «Усадьба и дача в русской литературе XX–XXI вв.: судьбы национального идеала», URL: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>)

Аннотация: Статья написана в русле разработки теоретико-методологического направления в исследованиях литературной усадьбы и дачи XX–XXI вв. и анализирует одну из проблем их научного тезауруса — соотношение категорий «усадебный текст» и «усадебный сверхтекст». Рассмотрено определение «усадебного текста», введенное в научный оборот В.Г. Щукиным в 1990-е гг. по аналогии с «петербургским текстом» В.Н. Топорова, в основе которого — текстообразующий миф о Петре I и Петербурге. Несмотря на утверждение Щукина об обязательном наличии в основе «усадебного текста» русской литературы элегически-идиллического мифа «дворянского гнезда», в научной литературоведческой практике рубежа XX–XXI вв. под «усадебным текстом» стали понимать все без исключения произведения с усадебной тематикой, в том числе противостоящие указанному мифу. Вскоре было введено понятие «усадебного сверхтекста», объединившее усадебную топику и мифопоэтику в единый ряд произведений об усадьбе XVIII–XXI вв. Фактическая синонимичность терминов «усадебный текст» и «усадебный сверхтекст» породила вопрос об избыточности последнего. Однако в статье предлагается сохранить этот термин, наполнив его семантикой, релевантной новому качеству «усадебной» литературы XX и начала XXI в., обращенной или к переформатированным в новых социокультурных условиях, или к отсутствующим усадьбам. Инструментами анализа «усадебного сверхтекста» в его новом понимании становятся категории «усадебного габитуса», «усадебности» и «криптоусадебной мифологии».

Ключевые слова: научный тезаурус, топики, мифопоэтика, «усадебный текст», «усадебный сверхтекст», русская литература XX–XXI вв., «усадебный габитус», «усадебность», «криптоусадебная мифология».

Информация об авторе: Ольга Алимовна Богданова — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Дата поступления статьи: 10.02.2023

Дата одобрения рецензентами: 25.03.2023

Дата публикации: 25.09.2023

Для цитирования: Богданова О. А. Невидимые звенья «усадебного свертхтекста» // Вестник славянских культур. 2023. Т. 69. С. 224–236.

<http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>

Современные литературно-усадебные исследования обычно ведутся по трем основным направлениям: теоретико-методологическому, междисциплинарному и компаративному¹. Главная задача первого из них — создать по возможности полную и непротиворечивую систему терминов и категорий для всестороннего исследования феноменов литературной усадьбы и дачи в разные исторические эпохи (приблизительно с XVIII по XXI вв.), которая могла бы устранить разноречивость в понимании уже существующей терминологии и включить в себя новую, релевантную вновь привлекаемому материалу, в частности произведениям XX–XXI вв. Уже во многом верифицированы такие широкоупотребительные термины, как «усадебный топос», «усадебный миф», «усадебный локус», «усадебный хронотоп», а также введены в научный оборот новые, соответствующие усадебной тематике в русской литературе Серебряного века и более позднего времени, — «усадебный габитус», «гетеротопия усадьбы», «неомифологический модус» (см.: [4, 5, 10]). Однако для осмысления в аспекте усадебно-дачной топики и мифопоэтики литературного материала советской и постсоветской эпох настоятельно требуется новый научный язык, новый инструментарий, который мы и хотим представить читателю в настоящей статье. Как явствует из заглавия, в первую очередь речь пойдет об уже известном, хотя лишь недавно введенном в научный оборот термине «усадебный свертхтекст», семантическое наполнение которого, однако, еще далеко не устоялось. Мы предлагаем скорректировать его значение в соответствии с литературным материалом, который ранее не рассматривался в «усадебном» ключе.

Наши рассуждения начнем с сопоставления понятий «усадебный текст» и «усадебный свертхтекст». Как известно, в самом общем понимании текст — «всякий связный знаковый комплекс» [1, с. 297], словесный же текст — это упорядоченная последовательность символов «независимо от письменной или устной формы их реализации» [9]. Существуют две основные трактовки словесного текста: в рамках имманентного подхода это автономная реальность с особой внутренней структурой (подробнее см.: [15]); репрезентативный подход рассматривает текст как информацию о внешней по отношению к нему действительности (подробнее см.: [22, с. 365–472]). В поле научного изучения «усадебного текста» как совокупности произведений с усадебной тематикой обычно совмещаются обе трактовки.

Однако понятие «усадебный текст» было введено в научный оборот в ином значении. По мнению В.Г. Щукина, в него входят только те произведения, которые построены на идиллически-элегическом мифе «дворянского гнезда», т. е. далеко не все произведения с усадебной тематикой. Ученый писал: «Доподлинно известно, что в русской литературе существовал по крайней мере один текст, несущий в себе и порождающий в своих недрах информацию мифологического типа, связанную с определенным местом, с геокультурным локусом. Это петербургский текст. Однако высокая частотность произведений, построенных по образцу усадебной повести, продуктивность этой структурной и мифотворческой модели, наличие в них устойчивых семантических комплексов, сюжетно-композиционных, предметно-образных и стилистико-поэтических

¹ См., например, 7 выпусков научной книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте», вышедших в 2019–2022 гг. URL: <http://litasadba.imli.ru/publication> (дата обращения: 12.10.2023).

шаблонов — все это позволяет утверждать, что существует и усадебный текст русской литературы» [20, с. 317]. Как видим, Щукин выдвигает категорию «усадебного текста» по аналогии с «петербургским текстом» В.Н. Топорова, первым выявленным в русской литературе «локальным текстом» (подробнее см.: [19]), в основе которого лежит известный миф о Петре I и Петербурге (подробнее см.: [13]). В «усадебный текст» русской литературы, по мысли Щукина, входят лишь произведения, в которых присутствует «овеванная мифическим ореолом поэзия дворянских гнезд» [20, с. 320]; таким образом, за его пределами остаются и семейная хроника С. Т. Аксакова, и повести Л. Н. Толстого, и пьесы А. Н. Островского, и проза А. Ф. Писемского и В. А. Слепцова (см.: [20, с. 319–320]), а также проза М. Е. Салтыкова-Щедрина и А. И. Герцена, поэзия Н. А. Некрасова и многие другие произведения, где усадьба изображается в социально-психологическом или историко-бытовом плане да еще с критическими коннотациями. Не вписываются в вышеприведенное понимание «усадебного текста» и такие авторы Серебряного века и русской эмиграции, как Ф. Сологуб, З. Н. Гиппиус, Г. И. Чулков, А. Белый, А. А. Блок, А. Н. Толстой, Е. Н. Чириков, многие страницы своих книг посвятившие историософским или революционно-историческим концепциям в связи с усадебной тематикой.

Поэтому кажется логичным, что, наряду с этой выдвинутой Щукиным категорией, в скором времени начал функционировать и другой термин — «усадебный сверхтекст». Наиболее известная трактовка понятия «сверхтекст» дана сибирской ученой Н. Е. Меднис: «сверхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью» [17, с. 112]. Особо она отметила «культуроцентричность сверхтекста», т. е. «те внетекстовые явления, которые лежат за рамками <...> текстовых границ и выступают по отношению к сверхтексту как факторы генеративные, его порождающие» [17, с. 106]. Для «усадебного сверхтекста» это, соответственно, усадьба как культурно-исторический феномен, отраженный в литературе на протяжении веков в усадебной топике и усадебной мифологии. Таким образом, в «усадебный сверхтекст» входят все произведения с усадебной тематикой, а не только окрашенные в идиллически-элегические тона «усадебного мифа», как это было предложено Щукиным для «усадебного текста».

Как видим, основное различие между щукинским пониманием «усадебного текста» и семантическим наполнением термина «усадебный сверхтекст», основанным на определении сверхтекста в работе Н. Е. Меднис, — в учете или неучете усадебной топике. Поэтому необходимо кратко обозначить различие между «усадебным топосом» и «усадебным мифом». Для этого обратимся к топосу и мифу как таковым: если «топос — категория, связанная не только с пространственностью и культурной памятью, но и с многовековой продолжительностью, диахронией», то миф в Новое время «способен спонтанно возникать в какой-либо точке культурного развития, становясь формой как идеологического, так и образно-интуитивного освоения новых социокультурных феноменов, задавая стратегию их встраивания в культурное поле нации, региона, мира» [4, с. 94]. Поэтому «усадебный топос» в русской культуре формируется уже в XVI–XVII вв. и существует в разных модификациях до наших дней. При этом «усадебный миф» окончательно складывается только в 1910-е гг. на фоне общей мифологизации культуры в эпоху модернизма (см.: [12, с. 3]). В содержательном аспекте «усадебный топос» «в главных чертах репрезентирует исторические напластования эмпирического опыта усадебной жизни в России на протяжении нескольких столетий», тогда как «уса-

дебный миф» «создает умозрительное и во многом идеализированное представление о помещицкой усадьбе, возводя ее топографию и быт ее обитателей к библейскому архетипу — Эдему — или к вневременным античным мифам о Золотом веке и блаженной Аркадии». И если «усадебный топос» «сохраняет тесную связь с окружающей социально-исторической средой, эмпирической действительностью, видоизменяясь параллельно с ней», то «усадебный миф» «формируется в первую очередь на основе литературных произведений, выдвигая себя как подлинную интерпретацию реальности и даже как саму реальность, заслоняя тем самым реальность аутентичную» [4, с. 94].

Однако и мифология усадьбы не оставалась неизменной на протяжении XX в. Обращение к литературе советской эпохи показывает, что переформатированная усадьба зачастую наполняется здесь неомифами о творческом коллективном труде, о воспитании нового человека, о построении бесклассового общества и т. п. (в ряде текстов К. Г. Паустовского, М. М. Пришвина, А. М. Макаренко и др.), заслоняющими идиллически-элегический «усадебный миф» Серебряного века, восходящий к Золотому веку русской культуры. Одновременно в советской литературе складывался и односторонний отрицательный неомиф усадьбы как места эксплуатации человека человеком, «гнезда» насилия и разврата (в прозе Ф. И. Панферова, Г. И. Серебряковой, Г. И. Чулкова и др.). При этом прежний идиллически-элегический «усадебный миф», как правило, имплицитно присутствовал и продолжал светить читателю сквозь более поздние напластования.

Установив общее понятие о сверхтексте, сама Меднис не обращалась к его «усадебной» манифестации. Раскрытию термина «усадебный сверхтекст» посвящена недавно защищенная в Гродненском университете диссертация молодой белорусской исследовательницы О. А. Гриневич [11]. Вот ее основные положения, связанные с темой нашей статьи: «усадебный сверхтекст» организован по принципу семиосферы, состоящей из ядерных и периферийных компонентов, которые можно рассматривать как в синхронической, так и в диахронической перспективе; в синхронической структуре «усадебного сверхтекста» ядро семиосферы — наиболее устойчивый компонент его семантики, включающий мифологический субстрат (Золотой век, Элизиум, Аркадия, Рай), систему оппозиций (природа — культура, деревня — город, естественное — искусственное, свое — чужое, прошлое — настоящее и др.), а также систему сквозных образов и мотивов; к периферийным относятся контекстуальные элементы сверхтекста, отражающие динамику «усадебного топоса» на разных стадиях литературного процесса; с точки зрения диахронии, ядром «усадебного сверхтекста» является наиболее интенсивный период его развития, наивысший расцвет (конец XVIII – вторая треть XIX в.), а периферией — начальный (зарождение) и завершающий (угасание) этапы его функционирования (см.: [11, с. 2–4]).

Каждый фрагмент сверхтекстовой семиосферы, считает Гриневич, в силу своей знаковой природы организуется в соответствии с уровнями семиозиса (т. е. процесса интерпретации знака, или процесса порождения значения): уровнем семантики, или отношения знака к своему объекту (миф, система оппозиций), уровнем синтактики, или взаимоотношения знаков (сюжетно-композиционные особенности, линейные связи между компонентами семантики) и уровнем прагматики, или отношений между знаками и их интерпретаторами (субъектная организация, межтекстовые и внетекстовые связи, триада «автор–текст–читатель», взаимодействие вербальных и визуальных, поэтических и прозаических языков, факта и вымысла) (см.: [11, с. 6–7]).

В неклассический (постсимволистский) период развития литературы, в соответствии с теорией стадильности, выдвинутой С.Н. Бройтманом [6], т. е. с начала XX в., на первый план в сверхтекстовой организации, по наблюдению Гриневич, выходит уровень прагматики. Другими словами, происходит интериоризация «усадебного топоса» — соединение реального и ментального пространства: усадьба становится «пространством личных воспоминаний» (см.: [11, с. 8, 17]). При этом диалогические процессы на уровнях синтактики и прагматики позволяют сверхтекстовому ядру подстраиваться под изменяющиеся условия и обеспечивают гибкость «усадебного сверхтекста» (см.: [11, с. 17]).

Как видим, в концепции Гриневич, помимо прочего, отчетливо сочетаются аспекты усадебной топики и усадебной мифологии; новый термин она употребляет как синоним «усадебного текста», распространяя его существование на весь XX и начало XXI в.: «Усадебный текст как локальный сверхтекст, функционирующий в русской литературе XVIII–XXI вв., является репрезентативным материалом для построения теоретической модели сверхтекста <...>» [11, с. 1]. Важно подчеркнуть, что и в широкой научной практике первой четверти XXI в., в отличие от Щукина, под «усадебным текстом» обычно понимается как раз то, что Меднис и Гриневич называют сверхтекстом². Получается, что термины «усадебный текст» и «усадебный сверхтекст» фактически употребляются как синонимы. А значит, один из них является избыточным. Однако мы все же не согласимся с этим, так как нашли черту, которая может внести принципиальное различие в обе категории.

Итак, вспомним, что, по мнению Гриневич, на неклассическом этапе развития литературы, в XX в., в сознании читателя происходит соединение реального и ментального пространства усадьбы с преобладанием последнего. В связи с этим у нас возникает вопрос о составе «усадебного сверхтекста» в неклассическую эпоху. Если главенствует уровень прагматики и коммуникативная функция, то принадлежность произведения к сверхтексту в первую очередь определяется реципиентом, читателем. Значит, в эпоху эмпирического исчезновения традиционных усадеб (или «постусадебную эпоху», по выражению Гриневич) особую важность приобретают те его ментальные паттерны, которые напрямую не связаны ни с пребыванием в реальной усадьбе, ни с личными воспоминаниями о ней (в отличие от утверждения Гриневич). Отметим, что ни Меднис, ни Гриневич не раскрывают содержания этих паттернов. Тем не менее, как нам представляется, именно на них во многом основано функционирование «усадебного текста» в русской литературе начиная с 1920-х гг., но особенно — со второй половины XX в.

По нашему мнению, эти паттерны могут быть выявлены, осознаны и обозначены с помощью новых терминов, релевантных тому особому качеству «усадебного текста» русской литературы, которое возникло и стало усиливаться с момента реально-эмпирического разрушения «усадебной культуры» Серебряного века, исчезновения традиционных владельческих усадеб. Именно тогда «усадебный текст» стал превращаться в «усадебный сверхтекст». И вот почему.

В знакомый нам «усадебный текст», непосредственно обращенный к тематике русской усадьбы, вплетаются произведения, в которых усадьба как предмет изображения фактически отсутствует или присутствует в переформатированном виде, внешне приобретая другие социокультурные функции (больницы, санатория, учреждения,

² См., например, все выпуски книжной серии «Русская усадьба в мировом контексте» (2019–2022), а также статьи, представленные на Интернет-сайте. URL: <http://litasadba.imli.ru/publication> (дата обращения: 12.10.2023).

детской колонии, дома культуры и т. п.). Однако в них отчетливо присутствуют художественные черты, которые можно обозначить терминами «усадебный габитус», «усадебность» и «криптоусадебная мифология». Так привычный нам «усадебный текст» русской классики и Серебряного века становится «усадебным сверхтекстом» литературы XX–XXI вв. Поясним сказанное.

Вслед за Пьером Бурдьё допустимо говорить о габитусах социальных полей (см.: [23]), к которым вполне может быть причислена русская помещичья усадьба. По наблюдению Л.Н. Летагина, усадебная традиция, как «форма организации жизнедеятельности, <...> за короткий период формирует особый тип личности» [14, с. 13], вместивший в себя «все, что было в русской жизни спокойного, достойного, добротного, казавшегося утвержденным навсегда» [21, с. 505]. Такая личность является воплощением «усадебного габитуса» и за пределами «усадебного топоса» — ведь сформированный топосом габитус способен сохранять устойчивость в других социальных полях. Так, например, из 38 рассказов знаменитого бунинского сборника «Темные аллеи» (1937–1953) только треть непосредственно связана с усадебно-дачной темой, однако все они, без сомнения, входят в «усадебный сверхтекст» русской литературы в обозначенном нами смысле. В самом деле, в рамках цикла «усадебный топос» и его элементы принимают неожиданные модификации и подвергаются глубинным, почти неузнаваемым трансформациям, вплоть до русской столовой в Париже (рассказ «В Париже»), бедуинского шатра в Иудейской пустыне (рассказ «Весной в Иудее») и вымершего городка на юге Испании (рассказ «Ночлег»).

Например, в рассказе «Весной в Иудее» изображена любовная связь между русским археологом и юной племянницей арабского шейха Аида, возникшая далеко от России — между Иерихоном и Иерусалимом. В дружественно-толерантном поведении героя (выходца из традиционной «усадебной культуры») в стоянке бедуинов, безусловно, сказывается «усадебная» привычка к семейно-патриархальному общению без учета социально-сословных различий (подробнее см.: [3]). Такая характеристика «усадебного габитуса» раскрывается в известных «Очерках прошлого» М. О. Гершензона при описании быта и нравов усадебной жизни семьи славянофилов Киреевских в первой половине XIX в. Историк культуры связывает именно с этим укладом «возникновение целого типа культурных деятелей, которые соединяли “с почвенностью замечательную <...> образованность” и “были в своем мышлении каналами, чрез которые в русское общественное сознание хлынуло веками накапливавшееся, как подземные воды, мирознание русского народа” [8, с. 319, 349] <...>. В Долбине (имении Киреевских) сохранялась “во всей силе та близость усадьбы с народом, тот открытый приток народного элемента в господскую жизнь, которые отличали помещичий быт старого времени” [8, с. 349]» (подробнее см.: [2, с. 56–57]). Обобщая, можно сказать, что типичный русский писатель-классик, как правило участник «усадебной культуры», сочетал в себе, подобно братьям Киреевским, народную «почвенность» и дворянскую «образованность».

Важным элементом «усадебной культуры», отразившимся в русской классике, была также межнациональная широта и терпимость — то, что Ф. М. Достоевский в Пушкинской речи 1880 г. назвал «способностью к всемирной отзывчивости» [24, т. 26, с. 145]. И хотя здесь писатель имел в виду прежде всего западноевропейские народы (одновременно приводя в пример и восточные, мусульманские), уже в материалах к «Дневнику писателя» за 1881 г. он прямо писал: «...Россия не в одной только Европе, но и в Азии, и <...> в Азии, может быть, больше наших надежд, чем в Европе»

[24, т. 27, с. 70]. В самом деле, указанная им «отзывчивость» проявлялась не только во владении языками западноевропейских и древних восточных культур, но и в обращенности к малым народам, населявшим империю, во включенности их в общероссийский контекст. Так, например, М. Ю. Лермонтов, который был, наряду с А. С. Пушкиным, питомцем и выразителем «усадебной культуры», в «Герое нашего времени» убедительно показал сердечную связь русского человека с миром кавказских горцев, «татар».

Термин «усадебность» приобретает актуальность применительно ко второй половине XX в. в условиях фактического исчезновения традиционных владельческих усадеб с их специфическим социокультурным укладом и перехода «усадебной культуры» в ментальное измерение — сферу культурной памяти, этической и эстетической идеализации, национальных архетипов, а на рубеже XX–XXI вв. — в область медийно растиражированной виртуальной реальности (см.: [16]). В собственно литературной и литературно-организационной практике (фестивали, презентации, выставки-продажи, конференции, книжные ярмарки и проч.) «усадебность» включает в себя два аспекта: тематику произведений (часто основанную не на личных впечатлениях, а на рецепции литературных, кинематографических, телевизионных, живописных источников — в поэзии Б. Ш. Окуджавы, Б. А. Ахмадулиной, А. С. Кушнера и др.) и воплощение элементов «усадебного габитуса» в современных артефактах (например, на регулярных слетах Клуба самодетельной песни в лесных лагерях, устраиваемых там творческих школах и мастер-классах (см.: [18])). Таким образом, понятие «усадебности» окрашено вторичностью по отношению к той аутентичной «усадебной культуре», которая прекратила свое явное существование в огне революций и Гражданской войны 1917–1922 гг.

Если «усадебности» в последние годы все же посвящены единичные работы (статья А. В. Маркова, доклад Н. В. Михаленко), то «криптоусадебная мифология» — явление, пока совсем не исследованное. Она возникает в советский период вокруг переформатированных усадеб, лишенных пушкинского, онегино-ларинского ореола ретроспективного «усадебного мифа» Серебряного века и окруженных атмосферой новой советской мифологии, связанной, с одной стороны, с отвержением дворянско-буржуазного, «эксплуататорского» по отношению к людям и «хищнического» по отношению к окружающей природе усадебного прошлого, и с проективной утопией строительства «светлого будущего» и воспитания «нового человека» — с другой. «Криптоусадебная мифология» присутствует как в произведениях, где непосредственно изображается усадьба (например, в «Повести о лесах» К. Г. Паустовского), так и там, где усадьба эмпирически отсутствует (например, в «Пушкинском доме» А. Г. Битова и «Туманных аллеях» А. И. Слаповского). Так, например, в одном из рассказов указанного цикла Слаповского — «Русалке» (2019) — с помощью мотивных цепочек, аллюзий и реминисценций выстраивается целая литературно-усадебная генеалогия, позволяющая отнести это произведение к «усадебному сверхтексту» в нашем понимании.

С первых строк рассказ «Русалка» посредством эпиграфа прямо отсылает нас к миниатюре Бунина «Холодная осень» (1944) из цикла «Темные аллеи». Однако сам центральный образ «русалки» и указание на литературные занятия героев (Ольга — поэт, Бектемир — прозаик), встретившихся в конце 1980-х гг. на Всесоюзном совещании молодых писателей в Олимпийской деревне на окраине Москвы, обращают читателя к неоконченной драме А. С. Пушкина «Русалка» (1829) и одноименному стихотворению М. Ю. Лермонтова (1832). Оба великих поэта развивали фольклорный мотив русалки как невесты, умершей до свадьбы (подробнее см.: [7]), однако

по-разному акцентировали его обертону. Если у Пушкина любовь князя и дочери мельника — это, по сути, адюльтер между помещиком и крестьянкой, и трагедия брошенной «русалки» имеет выраженный социальный аспект, то у Лермонтова тоска прекрасной девы-русалки по взаимной гармоничной любви — знак несовместимости земного несовершенного и высшего идеального пластов бытия, присущей романтическому мирознанию. В свою очередь, в бунинской «Холодной осени», действие которой происходит в помещичьей усадьбе в 1914 г., есть явная отсылка к стихотворению А. А. Фета — одного из выдающихся создателей поэтического «усадебного текста» второй половины XIX в.

Так в «Русалке» Слаповского выстраивается система литературных зеркал: Пушкин, Лермонтов, Фет, Бунин. Все они — выходцы из русской усадьбы, яркие носители «усадебной культуры», выражавшие в своих произведениях ее топику, мифопоэтику и мотивику. И неважно, что у Слаповского, в отличие от Бунина, усадьба как место действия отсутствует, а герои — люди позднесоветской эпохи, жители Владивостока и Усть-Каменогорска. Важно, что они живут в «усадебном» поле русской литературной классики и своими судьбами бессознательно продолжают ее силовые линии: Бектемир (казах по национальности и русский писатель по призванию — как недаром упомянутые в рассказе Фазиль Искандер и Чингиз Айтматов) является российским патриотом, сыном многопоколенной патриархальной семьи, человеком, способным на глубокую любовь к женщине, в которой видит будущую жену, верным, преданным и бескорыстным; Ольга — выразительница того холодного, чарующего и губительного для земной жизни начала, которое уводит человеческую любовь в иное измерение, поднимает над обыденностью, придает метафизический смысл. Мотив «русалки» включает в себя смерть — поэтому Ольга погибает в конце рассказа от рук бандитов, а Бектемир переживает невозможное горе, одновременно открывающее ему новые горизонты бытия. Единственное свидание с Ольгой, внезапно уехавшей навсегда, становится пиком его жизни: «И была ночь, которую Бектемир до смерти не забудет. И любили друг друга жарко, и разговаривали» [25, с. 362]. Так и героиня бунинской «Холодной осени» через 30 лет после гибели жениха на фронте Первой мировой войны задается вопросом: «а что же все-таки было в моей жизни?» И отвечает себе: «только тот холодный осенний вечер», когда они вместе смотрели на горящие окна усадебного дома из темной глубины ночного сада (см.: [22, с. 168]). Не случайно также, что в обоих произведениях — у Бунина и у Слаповского — представлен мировой масштаб событий, их катастрофизм, гибель прежней страны, слом человеческих судеб: в «Холодной осени» это канун развала Российской империи, в «Русалке» — Советского Союза. И если у Бунина мы наблюдаем инверсию и переосмысление «усадебного мифа» Серебряного века, то у Слаповского — утверждение, казалось бы, навсегда утраченных «усадебных» ценностей посредством «криптоусадебной мифологии».

Особая роль — у произведений детской литературы 1920–1950-х гг., на первый взгляд призванных дезавуировать «усадебный миф» Серебряного века и наделить феномен усадьбы мифологическими коннотациями, формирующими новую, советскую картину мира. Таковы, например, известные повести А. П. Гайдара «На графских развалинах» (1929) и А. Н. Рыбакова «Бронзовая птица» (1956). В первой из них усадебное «сокровище» символически отторгается от прежних владельцев (формального наследника, «графского сына», связавшегося с преступной бандой) в пользу подростков — представителей трудового народа, истинных наследников благородного этического кодекса «усадебной культуры». Так как прямо провозгласить этот тезис в период

официального отказа от «эксплуататорского» усадебного наследия (вспомним ликвидацию первого ОИРУ³ в 1930 г. и арест его председателя А. Н. Греча) Гайдар не мог, то в этом произведении «усадебный миф» Серебряного века присутствует как бы в снятом виде, прикровенно, под слоем новой советской мифоидеологии строительства справедливой социальности и формирования советского человека. Вот этот палимпсест и является здесь манифестацией «криптоусадебной мифологии». По сути тот же внутренний сюжет — в повести Рыбакова «Бронзовая птица»: клад графов Карагаевых из личной собственности становится общенародным достоянием, а бывшая владельческая усадьба заселяется юными советскими пионерами-колонистами.

Итак, нами проведена верификация категории «усадебный свертхтекст» (с опорой на понятие свертхтекста, данное Меднис и развитое Гриневич) по отношению к соответствующему корпусу произведений русской литературы; а также показано, что «усадебный свертхтекст» XX–XXI вв., в отличие от предшествующего «усадебного текста», способен вбирать в себя произведения, тематически не связанные с изображением традиционной усадьбы, однако несущие в себе черты или «усадебного габитуса», или «усадебности», или «криптоусадебной мифологии». По сравнению с упомянутыми учеными, в нашем понимании «усадебный свертхтекст» — понятие более широкое, чем «усадебный текст»; его употребление обусловлено принципиально новыми свойствами «усадебной» литературы и культуры в XX–XXI вв. Отметим также, что настоящая статья — практически первое представление в науке терминов «усадебность» и «криптоусадебная мифология». Термин «усадебный габитус» был ранее рассмотрен в [4].

Список литературы

Исследования

- 1 Бахтин М. М. Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. С. 297–326.
- 2 Богданова О. А. Под созвездием Достоевского (Художественная проза рубежа XIX–XX веков в аспекте жанровой поэтики русской классической литературы: монография. М.: Изд-во Кулагиной — Intrada, 2008. 312 с.
- 3 Богданова О. А. Семиотика аллеи, «где кружат листья»: Тургенев, Гумилев, Бунин // Проблемы исторической поэтики. 2019. Т. 17. № 2. С. 233–254.
- 4 Богданова О. А. Русская литературная усадьба XIX–XX вв.: теоретический аспект исследований // Mundo Eslavo. 2020. № 19. С. 89–102.
- 5 Богданова О. А. «Усадебный текст» Георгия Чулкова: неомифология писательских имен в повести «Дом на песке» // Усадьба реальная — усадьба литературная: векторы творческого преображения / сост. и отв. ред. О. А. Богданова. М.: ИМЛИ РАН, 2021. С. 73–92. (Серия «Русская усадьба в мировом контексте». Вып. 6).
- 6 Бройтман С. Н. Историческая поэтика: Учебное пособие. М.: ИЦ «Академия», 2004. 368 с.
- 7 Виноградова Л. Н. Русалка // Славянская мифология: энциклопедический словарь. М.: Эллис Лак, 1995. С. 337–339.
- 8 Гершензон М. О. Грибоедовская Москва. П. Я. Чаадаев. Очерки прошлого. М.: Московский рабочий. 1989. 398 с.
- 9 Гиндин С. И. Текст // Литературная энциклопедия терминов и понятий / гл. ред. и сост. А. Н. Николюкин. М. Интелвак, 2001. С. 1063–1064.

³ Общество изучения русской усадьбы (1922–1930); возрождено в 1992 г.

- 10 Глухова Е. В. Heterotopy of the Country Estate in the Poetics of Russian Symbolism // Новый филологический вестник. 2019. № 4 (51). С. 178–186.
- 11 Гриневич О. А. Сверхтекст как феномен литературного процесса: закономерности и механизмы развития (на примере усадебного текста в русской поэзии): автореф. дис. ... канд. филол. н. Минск, 2021. 24 с.
- 12 Дмитриева Е. Е., Купцова О. Н. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. 2-е изд. М.: ОГИ, 2008. 528 с.
- 13 Долгополов Л. К. Миф о Петербурге и его преобразование в начале XX века // Долгополов Л. К. На рубеже веков. О русской литературе конца XIX – начала XX века. СПб.: Сов. писатель, 1977. С. 158–204.
- 14 Лелягин Л. Н. Усадебный металандшафт России // Русская усадьба: Сб. ОИРУ. М.: Жираф, 2004. Вып. 10 (26). С. 9–18.
- 15 Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
- 16 Марков А. В. Медиальность и интермедиальность усадьбы в постсоветской русской поэзии // Культура и образование. 2019. № 2 (33). С. 58–68.
- 17 Меднис Н. Е. Поэтика и семиотика русской литературы. М.: Языки славянской культуры, 2011. 230 с.
- 18 Михаленко Н. В. Усадебность как ключ к усадебной топике в литературе и культуре рубежа XX–XXI вв.: аннотация доклада // Усадьба и дача в русской литературе XXI–XXI вв.: судьбы национального идеала. URL: <http://litusadba.imli.ru/event/otchet-o-pervom-pyatom-zasedanii-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusa-usadebnyh> (дата обращения: 12.10.2023).
- 19 Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы: избранные труды. СПб.: Искусство-СПБ, 2003. 616 с.
- 20 Щукин В. Г. Российский гений Просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М.: РОССПЭН, 2007. 607 с.

Источники

- 21 Бенуа А. Н. Мои воспоминания: в 5 кн., в 2 т. М.: Наука, 1980. Т. 1. Кн. I–III. 711 с.
- 22 Бунин И. А. Полн. собр. соч.: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 6. 488 с.
- 23 Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005. 576 с.
- 24 Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
- 25 Слаповский А. И. Туманные аллеи: рассказы. М.: АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2019. 507 с.

© 2023. Olga A. Bogdanova
Moscow, Russia

INVISIBLE LINKS OF THE “ESTATE OVERTEXT”

Acknowledgements: The study was carried out at the IWL RAS with support of the Russian Science Foundation, grant no. 22-18-00051, Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-00051>.

Abstract: The paper explores theoretical and methodological direction in the research of the literary estate and dacha of the 20–21 centuries and examines one of the issues of their scientific thesaurus — the ratio of the categories “estate text” and “estate overtext”. The definition of the “estate text”, introduced into scientific circulation by V. G. Shchukin in the 1990s, is considered by analogy with the “Petersburg text” by V. N. Toporov, which is based on the text-forming myth about Peter I and St. Petersburg. Despite of the V. G. Shchukin's statement about the obligatory presence of the elegiac-idealistic myth of the “noble nest” in the basis of the “estate text” of Russian literature, in the scientific literary practice of the turn of the 21st century, all works developing an estate theme, without exception, including those opposing the myth began to be interpreted as an “estate text”. Soon the concept of “estate overtext” was introduced, combining topics and mythopoetics into a single series of works about the estate of the 18–21 centuries. The actual synonymy of the terms “estate text” and “estate overtext” generated the question of the redundancy of the latter. However, the study suggests to preserve this term by filling it with semantics relevant to the new quality of the “estate” literature of the 20 and the beginning of the 21st century, referring either to a reformed in new socio-cultural conditions, or to an absent estate. The categories of “estate habitus”, “estateness” and “crypto-estate mythology” become the tools for analyzing of the “estate overtext” in its new understanding.

Keywords: Scientific Thesaurus, Topic, Mythopoetics, “Estate Text”, “Estate Overtext”, Russian Literature of the 20–21 Centuries, “Estate Habitus”, “Estateness”, “Crypto-estate Mythology”.

Information about the author: Olga A. Bogdanova — DSc in Philology, Leading Researcher, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya St. 25a, 121069 Moscow, Russia.

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-7004-498X>

E-mail: olgabogda@yandex.ru

Received: February 10, 2023.

Approved after reviewing: March 25, 2023

Date of publication: September 25, 2023

For citation: Bogdanova, O. A. “Invisible Links of the ‘Estate Overtext’.” *Vestnik slavianskikh kul'tur*, vol. 69, 2023, pp. 224–236. (In Russ.)

<http://doi.org/10.37816/2073-9567-2023-69-224-236>

References

- 1 Bakhtin, M. M. “Problema teksta v lingvistike, filologii i drugikh gumanitarnykh naukakh” [“The Issue of Text in Linguistics, Philology and other Humanities”]. *Estetika slovesnogo tvorchestva [Aesthetics of Verbal Creativity]*, 2nd ed. Moscow, Iskusstvo Publ., 1986, pp. 297–326. (In Russ.)
- 2 Bogdanova, O. A. *Pod sozvezdiem Dostoevskogo (Khudozhestvennaia proza rubezha XIX–XX vekov v aspekte zhanrovoi poetiki russkoi klassicheskoi literatury: monografiia [In the Constellation of Dostoevsky (Artistic Prose of the Turn of the 20 Century in the Aspect of Genre Poetics of Russian Classical Literature: Monograph)]*. Moscow, Izdatel'stvo Kulaginoi — Intrada Publ., 2008. 312 p. (In Russ.)
- 3 Bogdanova, O. A. “Semiotika allei, ‘gde kruzhat listy’: Turgenev, Gumilev, Bunin” [“Semiotics of the Alley, “where the Leaves Are Circling”: Turgenev, Gumilev, Bunin”]. *Problemy istoricheskoi poetiki [Issues of historical poetics]*, vol. 17, no. 2, 2019, pp. 233–254. (In Russ.)

- 4 Bogdanova, O. A. “Russkaia literaturnaia usad'ba XIX–XX vv.: teoreticheskii aspekt issledovaniia” [“Russian Literary Estate of the 19–20 Centuries: Theoretical Aspect of Research”]. *Mundo Eslavo*, no. 19, 2020, pp. 89–102. (In Russ.)
- 5 Bogdanova, O. A. “‘Usad'ba real'naia — usad'ba literaturnaia: vektory tvorcheskogo preobrazheniia [Estate - Real And Literary: Vectors of Creative Transformation], ex. ed. O. A. Bogdanova. Moscow, IWL RAS, 2021, pp. 73–92. (Series “Russian estate in a global context”, Issue 6). (In Russ.)
- 6 Broitman, S. N. *Istoricheskaia poetika: uchebnoe posobie [Historical Poetics: A Textbook]*. Moscow, Akademiia Publ., 2004. 368 p. (In Russ.)
- 7 Vinogradova, L. N. “Rusalka” [“Mermaid”]. *Slavianskaia mifologiya: entsiklopedicheskii slovar' [Slavic Mythology: Encyclopedic Dictionary]*. Moscow, Ellis Lak Publ., 1995, pp. 337–339. (In Russ.)
- 8 Gershenzon M. O. *Griboedovskaia Moskva. P. Ia. Chaadaev. Ocherki proshlogo [Griboyedov's Moscow. P.Ya. Chaadaev. Essays of the Past]*. Moscow, Moskovskii rabochii Publ., 1989. 398 p. (In Russ.)
- 9 Gindin, S. I. “Tekst” [“Text”]. *Literaturnaia entsiklopediia terminov i poniatii [Literary Encyclopedia of Terms and Concepts]*, ex. ed. A. N. Nikoliukin. Moscow, Intelvak Publ., 2001, pp. 1063–1064. (In Russ.)
- 10 Glukhova, E. V. “Heterotopy of the Country Estate in the Poetics of Russian Symbolism.” *Novyi filologicheskii vestnik [New Philological Bulletin]*, no. 4 (51), 2019, pp. 178–186. (In English)
- 11 Grinevich, O. A. *Sverkh tekst kak fenomen literaturnogo protsessa: zakonomernosti i mekhanizmy razvitiia (na primere usad'bnogo teksta v russkoi poezii) [The Overtext as a Phenomenon of the Literary Process: Patterns and Mechanisms of Development (by the Example of the Estate Text in Russian Poetry)]*: PhD Thesis Summary. Minsk, 2021. 24 p. (In Russ.)
- 12 Dmitrieva, E. E., Kuptsova, O. N. *Zhizn' usad'bnogo mifa: utrachennyi i obretennyi rai [The Life of the Estate Myth: Paradise Lost and Found]*, 2nd ed. Moscow, OGI Publ., 2008. 528 p. (In Russ.)
- 13 Dolgopolov, L. K. “Mif o Peterburge i ego preobrazovanie v nachale XX veka” [“The Myth of St. Petersburg and its Transformation at the Beginning of the 20 Century”]. Dolgopolov, L. K. *Na rubezhe vekov. O russkoi literature kontsa XIX – nachala XX veka [At the Turn of the Centuries. About Russian Literature of the Late 19 – Early 20 Century]*. St. Petersburg, Sovetskii pisatel' Publ., 1977, pp. 158–204. (In Russ.)
- 14 Letiagin, L. N. “Usad'ba metalandshaft Rossii” [“Estate Meta-landscape of Russia”]. *Russkaia usad'ba [Russian Estate]*, collection of the Society for the Study of the Russian Estate, issue. 10 (26). Moscow, Zhiraf Publ., 2004, pp. 9–18. (In Russ.)
- 15 Lotman, Iu. M. *Struktura khudozhestvennogo teksta [The Structure of a Literary Text]*. Moscow, Iskusstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)
- 16 Markov, A. V. “Medial'nost' i intermedial'nost' usad'by v postsovetskoi russkoi poezii” [“The Mediality and Intermediality of the Estate in Post-Soviet Russian Poetry”]. *Kul'tura i obrazovanie*, no. 2 (33), 2019, pp. 58–68. (In Russ.)
- 17 Mednis, N. E. *Poetika i semiotika russkoi literatury [Poetics and Semiotics of Russian Literature]*. Moscow, Iazyki slavianskoi kul'tury Publ., 2011. 230 p. (In Russ.)

- 18 Mikhalenko, N. V. “Usadebnost' kak kliuch k usadebnoi topike v literature i kul'ture rubezha XX–XXI vv.: annotatsiia doklada” [“Estateness as the Key to the Estate Topic in Literature and Culture of the Turn of the 21 Century: Abstract of Report”]. *Usad'ba i dacha v russkoi literature XX–XXI vv.: sud'by natsional'nogo ideala* [Estate in Dachas in Russian Literature of 20–21st Centuries: Fates of National Ideal]. Available at: <http://litusadba.imli.ru/event/otchet-o-pervom-pyatom-zasedanii-nauchnogo-seminara-problemy-metodologii-i-tezaurusa-usadebnyh> (Accessed 25 August 2023). (In Russ.)
- 19 Toporov, V. N. *Peterburgskii tekst russkoi literatury: Izbrannye Trudy* [The Petersburg Text of Russian Literature: Selected Works]. St. Petersburg, Iskusstvo-SPB Publ., 2003. 616 p. (In Russ.)
- 20 Shchukin, V. G. *Rossiiskii genii Prosveshcheniia. Issledovaniia v oblasti mifopoetiki i istorii idei* [The Russian Genius of Enlightenment. Research in the Field of Mythopoetics and the History of Ideas]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2007. 607 p. (In Russ.)